

Полякова Л.И.

Львовский национальный университет

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ КАК ТЕКСТ

Существует представление о том, что есть поэты с биографией и без биографии. Разница в том, что у одних писателей авторефлексия отсутствует, а у других – авторефлектирующий пафос глубоко проникает в художественный мир и с полным правом претендует на текстопорождающую роль. То одно («творение себя»), то другое (сублимация биографического «Я» в тексте) получает доминантную роль и приобретает особую значимость. Одни писатели совсем не ведут дневника, их письма отмечены печатью сухости, сдержанности, нет у них рукописей, архивов (О.Мандельштам).

Другие писатели тяготеют к исповеди и предпочитают самописание; для них художественное усовершенствование писателя-профессионала и этическое самосовершенствование личности представляет собой неразрывное, органическое единство. Для первых «творец всегда изображается в творении» (Карамзин), для последних – человеческая личность – тот храм, который они строят всю жизнь (Гоголь, Толстой, Блок).

30 ноября 1909 г. почти в безвестности умер один из лучших поэтов XX в. И.Анненский. «На Анненском, – писал А.Наймин, – кончились те поэты, слова которых обесценивались простым фактом прежнего их употребления, а не биографией стихослагателя». Анненский ушел из жизни в эпоху, когда гремели имена корифеев символизма, и не только благодаря их стихам, но в значительной степени – за счет поведения поэтов, творимой на глазах «биографии». Не в меньшей мере это характерно было и для футуристов. «Делание собственной жизни искусством – тенденция, проходящая через все европейское декаденство», – замечает А.Блок в статье «О современном состоянии русского символизма». Мысль эту развивает на многочисленных примерах из жизни своих современников В.Ходасевич. Именно у символистов «связь жизни и творчества так сильна, так неразрывна, как, может быть, это было лишь у немногих раньше, ни у кого – после них». Эту «сеть не распутаешь, пока, кроме книг, не прочтешь самих жизней» («Некрополь»).

А.Белый, создавший мифологизированную автобиографию с характерным названием «Маски» и носивший сам маску «светлого» демона, так видит своих современников: «Брюсов – полководец, завоеватель, Блок – сновидец, Вячеслав Иванов –

кабинетный затворник и исповедник» (А.Белый. «Силуэт»). Театрализация жизни, ее маскарадность в начале века выливается в самые разнообразные формы. Грань между реальностью и подмостками стирается. «Иллюзионизм торжествует. Жизнь пронесится длинной жуткой вереницей маскарадов, арлекинад» (С.Городецкий. «Идолотворчество»).

Эстетизация жизни, ее театрализация приводят к тому, что прожитая жизнь становится «текстом жизни» (жизнь становится искусствовоподобной). Вспомним, что А.Белый собирался написать книгу о символизме как особом типе сознания и новом этапе культуры и хотел назвать эту книгу «Символизм как жест жизни». Книга осталась так и не написанной. Вместо «жеста жизни» получился литературный прием.

Символическая модель отношения жизнь – текст достаточно подробно описана в литературе. Поэтому мы перечислим лишь некоторые ее аспекты. Отставание «текстов искусства» от «текстов жизни», («текст жизни» по отношению к «тексту искусства» первичен, совершенен), ориентированность художественного текста на «текст жизни» и наоборот, построение бытового поведения по литературным образцам; взаимозаменяемость разного рода текстов (определенные коллизии переходят в мир литературного текста, потом те же конфликты литературных героев литературного текста «разыгрываются» в быту («Балаганчик», «Огненный ангел», «Петербург»...); изоморфность художественного текста и «жизнетворчества» (человеческие отношения становятся подобными художественным текстам: они имеют свой сюжет, завязку и развязку, начала и концы, они носят на себе отпечаток сознательной компановки); шаткость, неясность, размытость границ реальности, биографического текста и факта.

Смешение различных рядов оборачивается в практике личной жизни символистов в конфликтную, даже трагическую ситуацию. Блок признает в этом поведении опасность нравственного саморазрушения и предупреждает о том, что смешение жизни и искусства, как правило, не остается безнаказанным и всегда пахнет кровью.

В какой мере игра, маски были характерны для поэтов-акмеистов и прежде всего Н.Гумилева? Гумилев – это человек, который всю жизнь создавал себя, чтобы быть достойным высокого звания поэта. Корни его отношения к поэтической миссии надо искать скорее в прошлом веке. Для Гумилева была несомненна тесная связь между нравственным поведением писателя как человека и эстетическими ценностями его произведения. Если Н.Бердяев мечтал о том, чтобы «перейти от творчества совершенных произведений к творчеству совер-

шенной жизни», то для Гумилева этот процесс походил в обратном порядке. В судьбе Гумилева (как и Мандельштама) противоречие между биографией и текстом, «текстом жизни» и «текстом искусства» снимается. Эта модель не знает эстетизации отношения между биографией и текстом.

Чикирис Н.В.

Прикарпатський університет

РЕЦЕПЦІЯ ТВОРЧОСТІ Е.ХЕМІНГУЕЯ В КОНТЕКСТІ ІСТОРИЧНО-СУСПІЛЬНОГО РОЗВИТКУ УКРАЇНИ 30-90-Х РОКІВ

Ернест Хемінгуей – одна з найбільш харизматичних постатей у сузір'ї американських прозаїків. Лауреат Пулітцерівської та Нобелівської премій, письменник здобув світову славу, піднявшись у своїй творчості до вершин гуманізму і виробивши яскраву стильову манеру письма.

Рецепція художнього доробку Е.Хемінгуея українською літературою мала унікальний характер. По-перше, активне сприйняття спадщини митця в Україні почалося лише в 60-х роках, тобто приблизно на тридцять років пізніше, ніж у країнах Європи та Америки.

Друга особливість полягає в тому, що популярність його прози в Україні і в усьому Радянському Союзі була такою величезною, що викликала появу культу американського письменника.

Згідно з теорією компаративістики про визначальну роль сприймаючої літератури в процесі літературної комунікації, слід розглянути літературну ситуацію в Україні в 60-х роках, щоб з'ясувати причини своєрідної рецепції творчості письменника. Розвиток української літератури радянського періоду характеризується майже цілковитою ізольованістю її від більшості процесів у світовому мистецтві й культурі, що існували паралельно за „залізною завісою”. Закономірно, що в українському письменстві, як загалом у суспільстві, визріла потреба прорвати інформаційну блокаду. Відсутність повноцінної міжлітературної комунікації спричинила гіпертрофовану активність у сприйнятті творчості письменників Європи й Америки, зокрема Е.Хемінгуея.

Одним із чинників появи культу митця в Україні є також глибинний зв'язок його творчості із шістдесятництвом. Гуманізм майстра, його віра в духовну силу людини були суголосними поглядам шістдесятників, які різко заперечували тезу про те, що незамінних людей немає, стверджуючи натомість думку, що „кожна